

Алибекова Сиядат Яхьяевна

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Регионального центра этнополитических
исследований
Дагестанского научного центра
Российской академии наук,
доцент Дагестанского государственного
университета

НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация:

Автор ставит в центр внимания современные возможности формирования устойчивой системы общественной безопасности в зависимости от особого значения национально-этнических и религиозных различий. Рассматриваются предпосылки и тенденции формирования мер упреждения системных угроз общественной безопасности на основе ценностей гражданского общества. Охарактеризованы модели негативной и позитивной безопасности общества, выявлено, что последняя осуществляется только при условии снятия государством негативного напряжения в обществе.

Ключевые слова:

национально-этническая общность, религиозная общность, угрозы национально-этнического и религиозно-конфессионального характера, деструктивные общественные движения, позитивная безопасность общества, негативная безопасность общества, позитивная свобода, негативная свобода, этнокультурная безопасность.

Alibekova Siyadat Yakhyayevna

PhD (Philosophy),
Senior Research Associate,
Regional Centre of
Ethnic Political Researches,
Dagestan Research Centre,
Russian Academy of Sciences
Assistant Professor,
Dagestan State University

NATIONAL, ETHNIC AND RELIGIOUS ASPECTS OF PUBLIC SAFETY

Summary:

The author focuses on the modern possibility of forming a sustainable system of public safety depending on the particular value of national, ethnic and religious differences. The article considers preconditions and trends shaping the measures forestalling systemic threats to public safety based on the values of civil society. The author describes the models of negative and positive public security. It is found, that the latter is feasible only if government removes the negative tension in the society.

Keywords:

national and ethnic group, religious community, national-ethnic and religious-confessional threats, destructive social movements, positive public safety, negative public safety, positive freedom, negative freedom, ethno-cultural security.

Феномен общественной безопасности в современном мире давно вызывает пристальное внимание не только ученых-обществоведов, но и самой общественности. Кроме традиционных угроз социально-экономического и криминального характера под влиянием процессов глобализации и модернизации резко обострились угрозы национально-этнического и религиозно-конфессионального характера. В силу национально-этнического и религиозного многообразия форм общественной жизни, наряду с процессами цивилизационного диалога и сотрудничества, возникают и обостряются скрытые и открытые конфликты, обуславливающие появление угроз и проблем на всем пространстве общественной безопасности. Особую роль при этом играет не только государство, но и само общество, его духовно-нравственный потенциал и культурно-исторические возможности развития.

Духовно-нравственному возрождению и обновлению России активно препятствуют отдельные деструктивные общественные движения и группировки, имеющие антигосударственный характер, чуждый интересам России. Глобальные права и свободы в современном обществе сопровождаются идеологической вседозволенностью, которой злоупотребляют деструктивные идеологические системы, представляющие угрозу для общественной безопасности. Опираясь на прочную замкнутую концептуализацию экстремизма и терроризма, они оказывают зомбирующее влияние на отдельные неустойчивые сегменты общественного сознания, способны ситуативно деформировать общественные взгляды и мнения, исказить традиционные ценности и идеалы национально-этнической и религиозно-конфессиональной жизни общества.

Самосознание любой национально-этнической или религиозной общности испокон веков эксплуатируется соответствующими элитарными и религиозными группировками и персональными харизматическими деятелями, между которыми может идти не только позитивное соперничество на благо всей общины, но и прямая борьба за лидерство, сопровождаемая сиюминутным популизмом и грозящая причинением колоссального ущерба в конечном счете. Наибольшую

угрозу представляют призывы и действия, в которых национальные и религиозные общности натравливаются друг на друга во имя еще более тесного сплочения и солидарности. К культурно-историческому созиданию такая деятельность не имеет никакого отношения.

Духовно-нравственная жизнь общества всегда тесно связана с разными формами национально-этнической культуры. Этническая культура разных народов как наиболее глубокий пласт и одна из первичных форм проявления социально-исторического процесса представляет собой саморегулируемый способ социальной адаптации и естественно-исторический механизм самосохранения общества. В гуманитарных науках в связи с этим используется термин «этнокультурная безопасность», выражающий «состояние устойчивого функционирования и воспроизводства культур всех национальных групп, составляющих население РФ, которому присущи: повышение уровня их адаптивности к социальным изменениям; возможность участия в свободном взаимообмене культурными ценностями; сохранение их членами своей этнической идентичности» [1, с. 109]. Поэтому ключевая роль полиэтнической культуры для любой национальной и религиозной общности не вызывает сомнения. Более того, национально-этническая и религиозная жизнь своеобразно зарождалась в условиях моноэтнической культуры, которая у каждого народа имеет свое сочетание уникальных и универсальных признаков. Так, в современном исламе совокупность уникальных признаков для любой закрытой социальной общности выражается понятием «миллет», а совокупность универсальных признаков для открытой социальной общности – понятием «умма». В православии это, соответственно, земство и соборность.

В светском мировоззрении и в гуманитарных науках формируются более сложные демаркационные значения, в которых выражена попытка учесть не только тонкие нюансы, но и сложные переплетения национально-религиозной жизни общества. Этноцентрическое понимание нации первоначально преобладало над другими подходами, но в современном представлении возобладала цивилизационные, социально-правовые и государствоведческие подходы к определению нации, тесно связанные с идеалами гражданского общества и правового государства. Гражданская форма общности людей позитивно нивелирует национально-этнические и религиозные различия на основе ценностей духовного свободомыслия и идеалов социального равенства. Это оправдано тем, что не только межнациональные и межрелигиозные, но и внутринациональные, внутрирелигиозные отношения развиваются в более общем цивилизационном формате, не ограниченном догматами и предрассудками прошлого. Тем не менее в силу объективных различий современных регионально локализованных социальных систем нет единого рецепта обеспечения общественной безопасности для всех народов и религий. «В отечественном законодательстве и научной литературе пока не выработан единый понятийный аппарат в сфере обеспечения безопасности Российской Федерации» как регионально централизованного, многоконфессионального, полиэтнического общества [2, с. 3].

Опасения и угрозы, исходящие из национально-этнических предпосылок, могут быть вызваны как внутренними, деструктивными тенденциями, так и диспропорциями межэтнических, межнациональных отношений. В ряде случаев они могут совпадать и взаимно усиливаться с опасениями, имеющими религиозное происхождение. Причинами обострения межнациональных и межэтнических отношений до сих пор могут выступать родоплеменные пережитки, национально-этнические предубеждения, расовая, религиозная и национально-этническая исключительность, фанатичность, насильственное принуждение и другие негативные явления общественной жизни, получающие свое логическое завершение в процессах ассимиляции, дискриминации, апартеида, сегрегации, геноцида. В результате могут складываться более сложные, гибридные формы религиозно-этнического характера, наиболее податливые конфликтогенным модификациям нетерпимости и насилия. Поэтому в современной жизни оказываются социально востребованными усилия всех слоев общества, носящие постоянный характер и направленные на стабилизацию и дискурсивную коммуникацию во всех уровнях национально-этнических и национально-конфессиональных отношений. Причем именно духовная культура может оказаться сферой консолидации и сыграть решающую, стабилизирующую роль в устранении всевозможных этнических и религиозных флуктуаций.

Существенную роль в жизни общества продолжают играть нарастающие диспропорции между элитой и широкими народными массами. В широких народных массах традиционные национально-этнические ценности обычно тесно связаны и гармонично увязаны с религиозными ценностями, однако разные элиты общества всегда склоняли чашу весов в ту сторону, которая больше отвечала их интересам на разных этапах истории, и пытались таким образом манипулировать социальными силами. В связи с этим можно говорить о двух видах общественной безопасности – **негативной безопасности** общества, подчиненной интересам определенных элит, и **позитивной безопасности**, обеспечивающей гармоничное сочетание интересов всего общества. Проблематика негативной и позитивной безопасности только начинает прокладывать

свой путь в современных политологических исследованиях. Одним из первых к ней обратился Г. Хугенсен (G. Hoogensen) [3, p. 835–859].

В более широком социально-теоретическом смысле можно отметить, что негативная безопасность общества всегда нацелена только на защищенность от угроз, устранение препятствий для той элитарной общности, которая пришла к власти и пользуется привилегиями всего общества, попутно осуществляя деятельность на благо этого общества. Позитивная безопасность выражает полноту и всеобъемлющую самодостаточность общественной жизни, полноценный баланс общественных интересов, ибо она формируется на общепринятой, нравственной основе и обеспечивает полноправное, равномерное и устойчивое развитие всего общества. Тем более что в своем существенном смысле безопасность выражает всего лишь условие, при котором возможно обретение человеческого счастья. Позитивная безопасность не сводится к необходимости изначального устранения причин, вызывающих опасения и угрозы, а предполагает эти меры. Поэтому пространство позитивной безопасности общества постоянно оказывается динамичной и сложной конструкцией, требующей пошаговых модификаций, корректировок, балансировок и согласований между всеми слоями общества, которые являются достаточно подвижными. Именно по этой причине в пятом пункте «Концепции общественной безопасности в Российской Федерации» прямо указывается на необходимость постоянного совершенствования системы обеспечения общественной безопасности [4]. Для этого концептуально предусмотрена государственная система мониторинга состояния общественной безопасности, которая формируется как межведомственная многоуровневая автоматизированная информационная система наблюдения за состоянием общественной безопасности, а также для учета предложений по совершенствованию мер обеспечения общественной безопасности. В ряде случаев достижение целей позитивной безопасности общества может сопровождаться устранением мер, продиктованных целями негативной безопасности. Это может выражаться в том, что в ходе столкновения разных и взаимоисключающих интересов достижение справедливости требует силового вмешательства, разрешающего конфликт в пользу всего общества.

Все социальные слои и общности, особенно национально-этнические и религиозные как многомерно структурированные системы, осуществляющие свою культурно-историческую деятельность, находятся в естественных взаимосвязях и отношениях, вносящих друг в друга различные отклонения от соответствующих им идентичностей и ценностей жизни. Эти отклонения воспринимаются либо как приемлемые, либо как угрожающие безопасности и спокойствию. Поэтому проблемы разграничения, демаркации между различными результатами социального взаимодействия, связанной с вопросами обеспечения негативной и позитивной безопасности общества, имеют не только теоретически актуальную значимость, но и важный практический смысл, накладывающий свой отпечаток на весь общественный строй. Негативная безопасность обычно востребована авторитарным и тоталитарным обществом, а позитивная безопасность удовлетворяет требованиям демократического и либерального общества. Сопоставляя и сравнивая их между собой, можно отметить, что «пробным камнем» здесь оказывается положение, определяющее социальные способы реализации свободы. Проблематика свободы оказывается определяющим фактором практически для всех направлений общественной безопасности [5].

Позитивная и негативная безопасность общества может складываться в условиях как позитивной, так и негативной свободы. Ведь негативная свобода обычно далека от задач социального созидания (Э. Фромм), а позитивная свобода не предохраняет общество от зарождения тоталитарных режимов (И. Берлин). В связи с этим можно предположить такую вариативность общественной безопасности, которая зависит от типов и разновидностей социальных свобод. Если в основе негативной безопасности общества находятся принципы негативной свободы, то могут формироваться благоприятные предпосылки для авторитарного общества. Если же в основе негативной безопасности общества находятся принципы позитивной свободы, то можно говорить о предпосылках формирования тоталитарного общества. Тоталитаризм замыкает все общество на безусловной ценности какого-то одного социального слоя, обусловленного национально-этническим, религиозным или классовым характером. Поэтому основы безопасности всего общества определяются в тоталитаризме благоприятными возможностями существования только для политически централизованного, институционально-элитарного социального слоя. В целом же негативный характер безопасности общества представляет собой гипертрофированный фрагмент позитивной безопасности и обеспечивается лишь целевыми возможностями для данной национально-этнической, религиозной или классовой общности, самостоятельно идентифицирующей свой жизненный путь, независимо от форм и условий сосуществования с другими социальными общностями, не имеющими прямого доступа к механизмам политической власти. Действительно, «общественная безопасность как защищенность коллективной идентичности от системного насилия в результате процессов денационализации и секуляризации в посттрадиционном мире имеет

следствием уменьшение авторитарной власти, а также трансформацию государственного контроля посредством создания гражданского самоуправления и самоконтроля» [6, с. 29–39]. Однако процессы денационализации и секуляризации не устраняют, а всего лишь модифицируют соответствующие способы самоидентификации социальных общностей, погружая их в более универсальную цивилизованную форму восприятия.

Модель негативной безопасности общества активно формируется как естественная незамедлительная реакция на неудержимый рост проблем, рисков и угроз системного характера, осложняющих и непредсказуемо разрушающих существующую стабильность общества. Ведь рост религиозности и национализма в современной России во многом был продиктован угрожающими тенденциями десоциализации, деморализации, криминализации и деградации общества после распада СССР. Разрушение советской государственной машины и зарождение новой российской государственности привело к катастрофическим последствиям, выразившимся в системных угрозах общественной безопасности. В обществе стихийно оказались остро востребованными новые или традиционные, давно забытые старые формы идентичностей, в том числе связанные с религиозной и национально-этнической общностью.

Политика многоконфессионального и многонационального государства в сфере национально-этнических и религиозно-конфессиональных отношений приоритетным образом должна выражать права и свободы самих граждан, включающихся в эти отношения. Вероисповедные и этнические предпочтения, реализуемые на государственном уровне под благовидными мотивами сохранения культурно-исторических традиций, неизбежно трансформируются в латентные причины националистического сепаратизма и религиозного экстремизма в обществе.

Перед социальными и светскими идеалами гражданского общества все национально-этнические и религиозно-конфессиональные различия уходят на второй план. Позитивные формы национальной и религиозной культуры не представляют особых угроз для общественной безопасности. Но негатив национально-этнической идеологии, сконцентрированный в национализме, ничем не лучше и не хуже негатива религиозной идеологии, оформленной в виде фанатизма, несовместимого с идеалами гражданского сосуществования. Национализм и фанатизм объединяются на одной и той же платформе действий в отношении ко всему «чуждому» – платформе экстремизма и терроризма. Некоторые религиозные учения и секты, претендуя на справедливую безопасность, исходят из того, что по мере распространения их идей и взглядов будут стираться национальные, государственные и другие социальные границы и различия. В своих проповедях, обращенных ко всему человечеству, они призывают к равенству и братству, к любви и согласию. Но абстрактные лозунги и сакральные заклинания не получают никакого практического применения.

Модель позитивной безопасности общества получает наиболее широкий простор для глобального развития лишь в условиях международного, межгосударственного сотрудничества, но и внутри государства интегративные тенденции могут стать позитивной платформой развития общественной безопасности на основе гражданской идентичности человека, независимо от его национально-этнических или религиозных предпочтений. При этом необходимо учитывать, что в слабом государстве не может быть «сильного» гражданства. Государство становится сильным только тогда, когда оно реализует среди своих граждан социальные программы, снимающие негативное напряжение в обществе. В противном случае возникает системная угроза общественной безопасности, при которой негативное напряжение получает религиозную или национально-этническую окраску, разделяющую все общество на «своих» и «чужих». Гражданская общность людей интегрируется в государстве независимо от религиозных или национальных различий. Поэтому устранение любых разделительных линий в обществе благоприятствует сплочению и солидарности всех граждан, имеющих равные права и обязанности перед законом.

Ссылки:

1. Перепёлкин Л., Стельмах В. Этнокультурная безопасность России: общественные вызовы и государственная политика // *Общественные науки и современность*. 2003. № 3. С. 107–120.
2. Патрушев Н.П. Особенности современных вызовов и угроз национальной безопасности России // *Журнал российского права*. 2007. № 7.
3. Hoogensen G. Security by Any Other Name: Negative Security, Positive Security, and a Multi-Actor Security Approach // *Review of International Studies*. 2012. Vol. 38, is. 4. P. 835–859.
4. Концепции общественной безопасности в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://krem-lin.ru/acts/news/19653> (дата обращения: 07.10.2015).
5. Бурьянов С.А. Свобода совести как фактор обеспечения национальной и глобальной безопасности // *Политика и общество*. 2004. № 1.
6. Попов М.Е. Конфликты идентичностей и общественная безопасность // *Конфликтология*. 2010. № 1. С. 29–39.

References:

1. Perepyolkin, L & Stelmach, V 2003, 'Russian ethno-cultural security: social challenges and public policy', *Social studies and the present*, no. 3, pp. 107-120.
2. Patrushev, NP 2007, 'Features of modern challenges and threats to the national security of Russia', *Magazine of the Russian right*, no. 7.
3. Hoogensen, G 2012, 'Security by Any Other Name: Negative Security, Positive Security, and a Multi-Actor Security Approach', *Review of International Studies*, vol. 38, is. 4, pp. 835-859.
4. *The concept of public security in the Russian Federation* 2013, retrieved 07 October 2015, <<http://krem-lin.ru/acts/news/19653>>.
5. Buryanov, SA 2004, 'Freedom of religion as a factor of national and global security', *Politics and Society*, no. 1.
6. Popov, ME 2010, 'Identity conflicts and public safety', *Conflict*, no. 1, pp. 29-39.